

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

Развод с драконом.

Три наследника
без короны

Виолетта Весна

**Развод с драконом. Три
наследника без короны**

«Автор»

2026

Весна В.

Развод с драконом. Три наследника без короны / В. Весна —
«Автор», 2026

Нашим детям девять лет, но при дворе уже решили их судьбу. Тавен, старший на семь минут, станет единственным наследником. Илсу отправят в дипломатическую школу. Корины подготовят к пограничной службе. Кейрану осталось получить мою подпись. Я отказываюсь. Тогда муж сообщает, что заявление о разводе уже принято судом. После расторжения брака закон позволит правящему дракону распорядиться будущим троих детей без моего согласия. До коронации двадцать три дня. За это время мне нужно вернуть лицензию распорядителя государственных присяг, собрать Собрание трех земель и предложить стране такую власть, ради которой детям не придется отказываться от собственного выбора. Если я ошибусь, граница останется без договора. Если отступлю, мои дети получат пожизненные обязанности. Я не стану решать, кто из троих достоин короны. Я добьюсь, чтобы корона не получила никого. А Кейрану впервые придется выбирать не за детей, а за себя: власть или шанс вернуть доверие семьи, которую он сам отдал ради трона.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Один наследник из троих	5
ГЛАВА 2. Улица Мастеров	11
ГЛАВА 3. Порядок отказа	18
ГЛАВА 4. Чужие планы для наших детей	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виолетта Весна

Развод с драконом. Три наследника без короны

ГЛАВА 1. Один наследник из троих

На трех папках стояли имена моих детей.

Я попросила писца подвинуть лампу и открыла первую. На внутренней стороне обложки уже был проставлен красный знак первого наследника: корона над цифрой один. Ниже значились имя Тавена, дата рождения и время — шесть часов двенадцать минут.

Во второй папке, под именем Илсы, лежало направление в Норвенскую дипломатическую школу. Начало подготовки назначили на осень. В третьей Корину определили пограничную службу с двенадцати лет.

Я перечитала строки еще раз. Содержание не изменилось.

— Кто внес детские приложения в окончательный порядок? — спросила я.

Писец у края стола перестал точить перо. В Малом зале совета находились семеро: Кейран, канцлер Кассар, двое советников по праву, казначей, писец и я. Никто не потянулся к папкам и не выразил удивления. Значит, бумаги видели все, кроме меня.

Кассар Вельд сложил руки перед собой.

— Канцелярия подготовила их по поручению регента.

Я посмотрела на мужа. Кейран сидел во главе стола в темном форменном камзоле, застегнутом до воротника. Последние недели он проводил по двенадцать часов на заседаниях и все равно находил силы выглядеть собранным. Раньше я принимала эту способность за надежность. Сегодня она позволяла ему спокойно наблюдать, как я читаю решение о жизни наших детей.

— Это окончательная редакция? — уточнила я.

— Да, — ответил он.

— Когда ты собирался показать ее мне?

— Сейчас мы ее и согласовываем.

Кассар слегка повернул голову к писцу.

— Госпожа Ларвейн, в повестке еще девять вопросов. Если замечания касаются формулировок, их можно передать письменно до вечера.

— Мое замечание касается не формулировок. Кто решил, что Тавен станет наследником, Илса уедет учиться дипломатической службе, а Корин отправится на границу?

— Закон требует назвать одного первого наследника до коронации, — сказал правовед слева от Кассара. — Остальным детям правящего рода назначается государственный путь.

Я знала этот закон. В последние четыре месяца сама расставляла в плане церемонии все действия, связанные с объявлением преемника: порядок выхода, вопросы свидетелей, место регистрации согласия родителей. В моем плане не было имен и назначений. Я оставила для них пустые строки, потому что мы с Кейраном еще не приняли решения.

Так я считала до этой минуты.

— Закон объясняет, почему нужен отдельный акт. Он не объясняет, почему моего сына выбрали за семь минут старшинства и почему двум другим детям уже назначили занятия на годы вперед.

— Семь минут дают однозначный порядок, — ответил Кассар. — Любой иной критерий потребует оценки способностей детей и вызовет спор между землями.

— Им девять лет.

— Поэтому оценка и не проводилась.

Он говорил ровно, без торжества. В этом и состояла его сила. Кассар умел представить любое принуждение как единственный способ избежать беспорядка.

Я развернула папку Тавена к Кейрану.

— Ты согласился с этим?

— Да.

— Ты говорил с ним?

— Он ребенок, Мирена.

— Я помню. Я была при его рождении.

Казначей опустил взгляд в свои записи. Кассар не шелохнулся.

Кейран положил ладонь на стол.

— Тавен слишком мал, чтобы отвечать за государственное решение. Ответственность лежит на нас.

— На нас двоих?

Он выдержал короткую паузу.

— На мне как на будущем короле.

Я закрыла папку. Плотный картон лег на стол без хлопка. Мне хотелось спросить, в какой день мой муж перестал считать меня частью этого решения. Но ответ не изменил бы ни одной строки передо мной, а мне требовалось понять, что именно они подготовили.

Я взяла окончательный порядок коронации. На двадцать шестой странице находился перечень подписей. Напротив каждого государственного акта были указаны Кейран, канцлер, трое полномочных свидетелей и распорядитель присяги. Мое имя появлялось один раз — в приложении о детях.

— Остальной порядок вы уже утвердили без моей подписи.

— Ты его подготовила, — сказал Кейран.

— Именно. Но подписал Кассар.

— Так было необходимо, чтобы твою работу не сочли влиянием жены на государственную процедуру.

Этот довод мы слышали восемь лет. Сначала Кассар просил меня не ставить имя под одним планом. Потом под другим. Я принимала условие, потому что Кейран становился регентом при больном отце, двор спорил о каждом семейном назначении, а работу все равно нужно было выполнять. Мне казалось, близкие знают, кто держит в порядке сроки, свидетелей и выходы с площади. Оказалось, без подписи знание легко превращалось в удобное молчание.

— Следовательно, мое участие признается государственным влиянием, когда я отвечаю за церемонию, и семейным согласием, когда вам нужна моя подпись под судьбой детей?

Кассар первым нарушил паузу.

— Ваше согласие требуется законом. Я не вижу противоречия.

— Тогда вы его не получите.

Правовед отложил лист, который собирался мне подать.

— Госпожа Ларвейн, защитное положение существует для проверки добровольности, но оно не отменяет обязанность правящей семьи назвать преемника.

— Я не отказываюсь от проверки. Я отказываюсь подписывать готовый выбор.

— Коронация состоится через двадцать семь дней, — напомнил Кассар. — Через тридцать истекает договор с Норвеном. Без короля мы не сможем заключить новое соглашение на обычный срок. Два гарнизона останутся без льготного снабжения, а Прибрежье заплатит за каждый зимний обоз вдвое больше.

— Угроза реальна. Она не делает решение за детей добровольным.

— Государство редко получает удобные сроки.

— Дети тоже.

Я вынула из папки лист согласия. Под моей фамилией оставили широкую пустую строку. Подпись Кейрана уже стояла справа. Чернила высохли.

Он подписал раньше, чем пригласил меня на согласование.

— Когда? — спросила я.

Кейран понял вопрос.

— Вчера вечером.

— После ужина?

— Да.

Вчера Корин показывал ему деревянный замок, который собрал в мастерской. Илса спорила с конюшим о том, сколько времени молодой кобыле можно работать на круге. Тавен принес карту курьерских маршрутов и ждал, пока отец освободится. Кейран пообещал посмотреть ее утром. Потом пожелал детям спокойной ночи, ушел в кабинет и выбрал одному корону, а двум другим службу.

— Ты хотя бы прочитал назначения Илсы и Корины полностью?

— Прочитал.

— Корин боится многоголосого шума. В пограничных казармах общий распорядок и строевые занятия. Илса не может провести полчаса за учебным приемом, не возразив тому, с чем не согласна. Ты отправляешь ее туда, где любое публичное возражение сочтут нарушением дипломатической дисциплины.

— Подготовка научит их тому, чего им пока не хватает.

— Или сломает то, что тебе неудобно.

Его взгляд задержался на мне. Я не стала отводить свой.

— Я не считаю наших детей неудобными, — произнес он.

— Тогда не назначай им жизнь, которой они не выбирали.

— Они еще ничего не способны выбрать в таком вопросе.

— Поэтому решение можно отложить до возраста, когда будут способны.

— Закон этого не позволяет.

— Закон можно изменить Собранием.

Кассар взял слово прежде, чем Кейран ответил:

— Для изменения порядка преемства требуются двадцать четыре голоса. Собрание не создано, делегаты находятся в трех землях, а договор истекает. Даже если начать рассылку сегодня, северяне доберутся до столицы за пять или шесть дней. Дальше начнутся споры. Коронация окажется под угрозой.

— Значит, у нас есть почти четыре недели.

— У нас нет четырех недель, — сказал Кейран. — На границе уже задержаны три обоза. Вчера был второй спор у Восточного перевала.

— И ты решил, что быстрее развестись со мной, чем созвать Собрание?

За столом никто не пошевелился. Я не собиралась произносить эту фразу. Она возникла из того, как Кейран посмотрел на Кассара, и из слишком аккуратно оставленной строки для моей подписи.

Муж медленно убрал руку со стола.

— Откуда ты взяла это?

— Из пункта четвертого. После развода династический родитель получает право определить статус детей один. Вы подготовили решение, которое я не подпишу. Значит, либо ты рассчитываешь заставить меня, либо собираешься убрать требование моей подписи.

Правовед справа от него открыл рот, но Кейран остановил его движением ладони.

— Заявление принято семейным судом сегодня утром, — сказал он. — Я хотел сообщить тебе после заседания.

Несколько секунд я слышала скрип пера писца. Он продолжал вести запись: государственные заседания не останавливались из-за того, что один из участников узнал о конце своего брака.

— Ты подал заявление один?

— Закон это разрешает. Если ты не оспариваешь сам развод, через четырнадцать дней суд сможет расторгнуть брак после согласования имущества и опеки.

— Я знаю порядок.

— Тогда ты понимаешь, что это не попытка лишить тебя детей или дома.

— Я понимаю, зачем тебе единоличное династическое право.

Кейран поднялся. Он не приближался, но остальные за столом сразу выпрямились. Его рост и должность всегда меняли поведение людей раньше, чем он отдавал приказ.

— Я не хотел обсуждать наш брак перед советом.

— Ты внес его прекращение в государственный план. Другого места для обсуждения не оставил.

— Мы поговорим наедине.

— О чем? О том, подпишу ли я после разговора?

— О том, что между нами произошло.

— Ты уже сообщил главное. Ты готов закончить брак, чтобы получить право решить за троих детей без меня.

На лице Кейрана не появилось удобного раскаяния. Он не отрицал.

— Я готов не допустить спора о престоле, который может стоять стране жизней.

— За счет Тавена, Илсы и Корина.

— За счет решения, которое обязана принять правящая семья.

— В семье решения сообщают до того, как их подписывают.

Я повернулась к писцу.

— Ваше имя?

Он быстро встал.

— Элден Рас, госпожа.

— Вы приписаны к дворцовой канцелярии или к Палате церемоний?

— К Палате. Меня вызвали для протокола окончательного согласования.

Это было первое обстоятельство, которое Кассар не предусмотрел полностью. Для обсуждения коронационного порядка требовался независимый писец, и его запись нельзя было изъять обычным распоряжением канцелярии.

— Господин Рас, откройте отдельную запись возражения. Я, Мирена Ларвейн, как мать трех несовершеннолетних детей, указанных в приложении, требую защитного рассмотрения по пятому пункту Закона единого преемника. Прошу приостановить любые назначения Тавена, Илсы и Корина Ларвейн на двадцать один день, провести с каждым отдельную беседу без придворного наставника и передать копию записи в семейный суд до окончания сегодняшнего дня.

Кассар впервые изменил положение рук.

— У вас нет действующего допуска распорядителя.

— Для заявления матери он не требуется.

Правовед слева просмотрел текст закона.

— Не требуется, — подтвердил он неохотно.

— Защитное рассмотрение не отменит коронацию, — сказал Кассар.

— Сегодня мне достаточно того, что оно остановит назначения детей.

— На двадцать один день.

— За двадцать один день можно собрать Собрание.

— Вы не располагаете полномочиями на созыв.

— Зато располагаю правом обратиться к тем, у кого они есть.

Кейран обошел стол и остановился напротив меня. Между нами оставалось достаточно места, чтобы я не воспринимала его движение как попытку удержать.

— Мирена, если ты начнешь спор перед всей страной, договор окажется частью семейного торгового.

— Он стал частью нашего развода в тот момент, когда ты использовал срок его истечения, чтобы убрать мою подпись.

— Я не использую развод против тебя.

— Тогда отзови его и детский акт.

Он промолчал. Мне не требовалось пояснение.

— Развод можешь оставить, — сказала я. — Я не стану удерживать брак, о прекращении которого советники узнали раньше меня. Но ни одному из троих ты не назначишь будущее только потому, что это удобнее для коронации.

Взгляд Кейрана стал жестче.

— А если Собрание не поддержит изменение?

— Тогда мы будем знать, что решение принято открыто, после разговоров с детьми и при соблюдении закона. Пока передо мной три папки, составленные без них и без меня.

Писец закончил первую страницу, посыпал чернила песком и прочитал запись вслух. Я исправила одно слово: вместо «оспаривает назначение» попросила написать «приостанавливает назначение до защитного рассмотрения». В правовых текстах глагол определял, что случится сразу, а что останется просьбой.

Правовед подтвердил формулировку. Писец поставил время, номер и свою печать. Мне передали перо.

Я подписала возражение.

Кассар обратился к Кейрану:

— Регент вправе заявить об угрозе государственной безопасности.

— На каком основании? — спросила я. — Мои дети находятся во дворце, заседание идет без нарушения порядка, а законное рассмотрение предусмотрено тем же актом, на который вы ссылались пять минут назад.

— Промедление создает риск.

— Риск не равен чрезвычайному положению.

Кейран прочитал запись. У него оставалась возможность потребовать отдельное заключение совета или оспорить время регистрации. Вместо этого он вернул лист писцу.

— Внесите требование в протокол, — сказал он. — И доставьте копию в суд.

Это было исполнением закона, не уступкой мне. Все же Кассар посмотрел на него с явным неудовольствием.

— В таком случае придется немедленно изменить календарь, — произнес канцлер.

— Измените, — ответил Кейран.

Я собрала три папки в одну стопку.

— Они остаются в канцелярии, — сказал Кассар.

— Оригиналы — да. Мне нужны заверенные копии.

— Вы получите их в установленный срок.

— До моего ухода. Обсуждались права несовершеннолетних, я являюсь стороной рассмотрения, а независимый писец присутствует. Отсрочка позволит заменить листы.

— Вы обвиняете канцелярию в подлоге?

— Я обеспечиваю возможность сравнения. Это моя прежняя работа, если вы забыли.

Элден Рас перевел взгляд с Кассара на Кейрана.

— Копии могут быть изготовлены сейчас. На первом этаже дежурит второй писец.

— Сделайте, — распорядился Кейран.

Кассар больше не возражал. Совет перешел к следующему вопросу, но я не села. Мне нечего было делать на согласовании коронации, в которую встроили принуждение моих детей и конец моего брака.

— Я уезжаю домой, — сказала я Кейрану. — Завтра перевезу Тавена, Илсу и Корина в дом на улице Мастеров.

— Они живут во дворце. Здесь охрана и наставники.

— Дом принадлежит мне, пригоден для проживания и находится в пределах города. Обычная опека у нас равная. Если ты хочешь другой порядок, обсудим его в семейном суде.

— Ты не можешь увести их без разговора со мной.

— Поэтому сообщаю сейчас. Буду у детских комнат в девять утра. Ты можешь присутствовать, если придешь без канцлера.

Кассар приподнял подбородок, однако Кейран смотрел только на меня.

— Я приду.

У дверей меня догнал писец. Он нес три копии, прошитые белой нитью, и отдельный лист защитного требования. Я проверила номера страниц, подписи и оттиск Палаты. Все совпадало.

Кейран остался за столом, где лежал порядок его коронации. Я не знала, попытается ли он убедить меня вечером, ускорить суд или найти иной способ провести акт. Знала только то, что было зафиксировано: двадцать один день ни один из троих не мог получить назначенную роль.

Я убрала заверенную копию в папку и назначила детям переезд на следующее утро.

ГЛАВА 2. Улица Мастеров

В девять утра в детской гостиной стояли четыре дорожных сундука, хотя я просила приготовить два.

Управляющий дворцом господин Фарн объяснил, что дети правящего дома не могут переехать без парадной одежды, запасных постельных принадлежностей и полного набора учебных книг. Я попросила его оставить только то, чем они пользовались в обычную неделю. Он достал лист с перечнем обязательного имущества и начал читать с серебряных столовых приборов.

— В моем доме есть ложки, — сказала я.

— Не с гербом Ларвейнов.

— Это не мешает им выполнять назначение.

Илса, сидевшая на подлокотнике кресла, тихо фыркнула. Фарн сделал вид, что не услышал.

Я не собиралась превращать сборы в показательное бегство из дворца. Дом на улице Мастеров находился в получасе езды, у детей оставался доступ к своим вещам, а порядок проживания еще предстояло закрепить в суде. Им и без того придется понять слишком многое за один день.

— По одному сундуку на каждого, — решила я. — Книги, одежда на неделю и личные вещи. Остальное привезем, если понадобится.

— У меня нет сундука, — заметил Корин. — Этот общий.

Он стоял у раскрытого ящика и проверял латунную петлю. Вчера вечером я сообщила детям только о переезде. О разводе мы с Кейраном договорились сказать вместе. Всю ночь мне хотелось нарушить договоренность, чтобы они услышали правду от меня и успели задать вопросы без дворцовых свидетелей. Я удержалась. Они имели право получить один согласованный ответ хотя бы в первый день.

— Тогда выбери свой, — предложила я.

— Маленький дорожный. У него петли ровнее.

— Бери.

Тавен не притронулся к вещам. Он разложил на столе две карты, набор циркулей и три тетради, будто составлял опись перед длительной экспедицией.

— На сколько дней мы уезжаем? — спросил он.

— Пока дом будет нашим основным местом. С отцом вы продолжите видеться.

— Основным — это больше половины ночей?

— Да.

— Сколько именно?

— Первую неделю вы живете у меня. На третий и шестой день отец приезжает к нам или забирает вас на несколько часов. Дальше мы составим расписание вместе с ним и утвердим его в суде.

Тавен провел пальцем вдоль края карты.

— До коронации?

— И после, если суд не решит иначе.

Он поднял на меня глаза, но следующего вопроса не задал.

Илса уже бросила в свой сундук рабочие брюки, две рубашки и сапоги для конюшни.

— Платье для коронации брать?

— Пока нет.

— Значит, она не состоится?

— Значит, сегодня тебе не нужно это платье.

— Ты всегда отвечаешь только на тот вопрос, который точно можешь ответить.

— Я стараюсь.

— Это иногда раздражает.

— Меня тоже.

Она обдумала мой ответ, затем вытащила из шкафа старую кожаную сумку с щетками для лошади.

— Эту можно?

— Если сама понесешь.

— Она легче коронационного платья.

В дверях появился Фарн с двумя служанками. За ними стоял придворный наставник Тавена, господин Рейс. Он держал узкий футляр, которого я прежде не видела.

— Учебные материалы первого наследника должны остаться при ученике, — сообщил он.

Тавен слишком быстро отвернулся к столу.

— О каких материалах идет речь?

— О дополнительных занятиях по праву, истории преемства и управлению землями.

— В обычном расписании их нет.

— Они проводились по распоряжению канцлера.

— С какого дня?

— С начала месяца.

Я посмотрела на сына. Он аккуратно свернул одну карту, хотя ткань уже была свернута достаточно плотно.

— Тавен, ты знал, зачем тебя учили отдельно?

Рейс шагнул вперед.

— Госпожа Ларвейн, ребенку не следует отвечать на вопросы о программе без наставника.

— Я говорю с сыном.

— А я отвечаю за его подготовку.

— До окончания защитного рассмотрения назначение приостановлено. Футляр оставьте здесь. Сегодня к Тавену вы не приближаетесь без письменного согласия обоих родителей или семейного отдела Палаты.

— У меня есть распоряжение канцлера.

— Принесите его в семейный отдел. Там проверяют дату и основание.

Рейс повернулся к управляющему, рассчитывая, вероятно, на поддержку. Фарн занялся перечнем серебра.

— Мама, — негромко сказал Тавен, — я возьму обычные книги.

— Хорошо.

Я не стала расспрашивать его при наставнике. Рейс оставил футляр на столе, поклонился ровно настолько, насколько требовал мой еще действующий статус жены регента, и вышел.

Мы продолжили сборы. Корин выбрал три деревянные модели и отказался от четвертой, потому что она не помещалась без риска сломать зубцы. Илса взяла рабочую одежду, любимую книгу о лечении лошадей и одну парадную заколку, подаренную Кейраном. Тавен сложил карты, часы, тетради и теплый камзол. Никто не выбрал игрушку из дворцовой гостиной. Я не знала, выросли ли они из них или просто не считали дворцовые вещи своими.

Кейран пришел без Кассара, как обещал. С ним был только капитан Эрен Дорн. У входа капитан остановился и остался в коридоре.

— Почему четыре сундука? — спросил Кейран у Фарна.

— Уже три, ваше высочество, — ответила я. — Четвертый вернется в хранилище вместе с серебром.

Кейран оглядел комнату. Корин закрыл крышку своего сундука и сел на нее, проверяя замок собственным весом. Илса встала рядом со мной. Тавен остался у стола.

— Я все еще считаю, что детям безопаснее во дворце, — сказал Кейран.

— Какую конкретную угрозу ты видишь в моем доме?

— У него нет постоянного поста охраны.

— Городская стража проходит по улице каждый час. Замки проверены, окна второго этажа, задний двор закрыт. Если есть сведения об угрозе, назови их. Если нет, не используй безопасность как слово, после которого обсуждение заканчивается.

Фарн посмотрел на детей и распорядился служанкам вынести сундуки. Кейран дождался, пока дверь закроется.

— Мы можем поставить двух дворцовых стражников снаружи.

— После согласования со мной. Они не будут проверять гостей и письма.

— Согласен.

— И распоряжения по детям мы обсуждаем без канцлера.

— Государственные назначения касаются его должности.

— Этот разговор касается развода.

Илса сразу спросила:

— Какого развода?

Кейран посмотрел на меня. Я кивнула в сторону дивана. Мы собирались сказать им в доме, но переносить разговор теперь означало бы притвориться, что вопрос не прозвучал.

— Сядем, — предложила я.

— Я и так сижу, — сказал Корин со своего сундука.

— Тогда пересядь туда, где мы тебя видим.

Он спустился и устроился рядом с Тавеном. Илса осталась стоять, пока Кейран не сел в кресло напротив нас. Лишь после этого она заняла край дивана возле меня.

Я положила ладони на колени, чтобы не тянуться к ним прежде, чем станет ясно, хотят ли они прикосновения.

— Мы с отцом решили прекратить наш брак, — сказала я. — Заявление уже находится в семейном суде. Если имущество и ваше проживание будут согласованы, через две недели развод завершится.

— Вы оба решили? — спросила Илса.

Я могла ответить мягче. Мягкость сейчас стала бы неправдой.

— Заявление подал отец. Я не буду оспаривать сам развод.

— Почему?

Кейран наклонился вперед.

— Я принял государственное решение, с которым ваша мать не согласилась. Я должен был обсудить его с ней до подписи и не сделал этого.

— Какое? — Илса смотрела прямо на него.

— Назначение первого наследника и путей подготовки для остальных детей.

— Для нас, — поправила она.

— Для вас.

Тавен спросил:

— Кого назначили первым?

Вчера в совете мне казалось, что он уже знает. Теперь я поняла: наставник говорил об обязанности, но мог не произносить окончательной формулы.

— Тебя, — ответил Кейран.

Сын перевел взгляд на свои часы, оставшиеся на столе.

— Потому что я родился раньше?

— Да.

— На семь минут.

— На семь.

— Если бы часы шли неправильно, выбрали бы Илсу?

— Время рождения подтверждено двумя врачами и писцом, — сказал Кейран.

Тавен не спрашивал о точности записи. Он проверял, насколько случайным было основание. Я увидела это по тому, как он прижал локти к бокам, стараясь сидеть так же прямо, как отец.

— Это из-за меня вы разводитесь?

— Нет, — ответили мы одновременно.

Кейран продолжил первым:

— Ты не отвечаешь за решения взрослых. Ни за мое заявление, ни за спор о коронации.

— Но если бы я согласился, мама бы подписала?

— Я не знаю, что ты понимаешь под согласием, — сказала я. — И пока ты сам этого не знаешь, никто не имеет права использовать твой ответ. Мы разводимся из-за того, как отец принял решение, и из-за того, что между нами происходило задолго до вчерашнего дня. Это наша ответственность.

Илса повернулась к Кейрану:

— А мне что назначили?

— Дипломатическую подготовку.

— В Норвенской школе?

— Да.

— Я туда не просилась.

— Я знаю.

— Вчера не знал?

— Знал.

Она сдвинулась от меня, освобождая между нами место. Мне хотелось обнять ее, но она сейчас не нуждалась в утешении. Ей нужен был ответ от отца.

— Тогда зачем написал?

— Я считал, что так будет безопаснее для всех троих. Тавен получит ясный статус. Ты и Корин — направления, которые не позволят другим людям использовать вас как соперников.

— Можно просто не использовать нас.

— Я не могу приказать всей стране не видеть в вас детей правящего рода.

— Зато можешь приказать мне уехать?

Кейран задержался с ответом.

— По действующему закону государственный путь становится обязанностью после коронации.

— Значит, можешь.

Корин до сих пор молчал. Он держал на ладони маленький латунный ключ от сундука.

— Куда назначили меня?

— В пограничную подготовку, — сказал отец.

— Там чинят мосты?

— Есть инженерные роты.

— Меня записали туда?

— В начальном акте указана общая военная подготовка. Специализацию выбирают позже.

— Тогда почему ты сказал про мосты?

Кейран выпрямился. Он командовал пограничной воздушной службой и умел объяснять приказы взрослым солдатам. Перед девятилетним сыном ему пришлось подбирать честные слова.

— Потому что подумал о том, что могло бы тебе понравиться. В документе этого нет. Корин кивнул и убрал ключ в карман.

— Я хочу в мастерскую к господину Кенту. Он обещал показать сцепления больших помостов.

— Я помню, — сказал Кейран.

— Ты тогда сказал, что это полезно, пока я маленький.

— Я ошибся, когда решил, что твой интерес должен остаться детским занятием.

Это было первое прямое признание за два дня. Оно не исправляло акт, но Корин перестал терять край кармана.

— А где будешь спать ты? — спросил он.

— Во дворце.

— Всегда?

— Пока исполняю обязанности регента. Когда вы будете у меня, я постараюсь ночевать там же, а не в рабочем крыле.

— Постарайся или будешь?

Кейран посмотрел на меня, словно ожидал, что я помогу сформулировать обещание. Раньше я бы назвала подходящие дни, проверила заседания и избавила его от неудобного выбора. Я промолчала.

— В дни, указанные в нашем расписании, я буду с вами, если не возникнет непосредственной угрозы стране, — сказал он. — Если возникнет, объясню, что случилось, а не просто отменю встречу.

Корин принял это без улыбки.

Тавен наконец поднял голову.

— Господин Рейс сказал, что если я не научусь быть наследником, люди опять будут воевать. Он сказал, что Илсу и Корина смогут забрать разные стороны, если я не стану первым.

Кейран побледнел едва заметно для постороннего, но я знала его лицо достаточно хорошо.

— Когда он это сказал? — спросил он.

— На третьем уроке. Там была карта старой войны. Красным показали, где погибли люди.

— Почему ты не рассказал нам?

— Он велел не тревожить тебя до коронации. Мама тоже всегда говорит, что во время совета тебя нельзя отвлекать.

Слова попали точно. Я много лет учила детей ждать подходящего часа, потому что Кейран возвращался с заседаний уставшим, а государственные новости казались важнее сломанной модели, страха перед выступлением или ссоры в учебной комнате. Я не велела Тавену скрывать занятия, но привычку молчать создавала и я.

— Я была неправа, когда делала твою тревогу менее важной из-за отцовской работы, — сказала я. — Если взрослый сообщает тебе что-то страшное и требует держать это в тайне от нас, ты можешь прийти сразу. Даже во время совета. Если нас нельзя вызвать, скажи Эрену или Эдре Нор из Палаты.

— Господин Рейс сказал, что это не тайна, а служебная осторожность.

— Для тебя разницы нет, если тебе страшно и запрещено говорить с родителями, — ответил Кейран. — Рейс больше не будет проводить с тобой занятия один.

— До рассмотрения? — уточнил Тавен.

— С сегодняшнего дня. Дальше решим после независимой беседы.

— А если я скажу, что не хочу быть первым?

Кейран не пообещал отменить акт.

— Твой ответ внесут в дело. Я его прочитаю.

Тавен заметил недостающую часть, как заметила бы и я.

— Но ты можешь все равно выбрать меня.

— Пока могу, — признал Кейран.

— Тогда я не знаю, что говорить.

— Говори правду специалисту, который будет с тобой беседовать, — сказала я. — Он не решает за тебя и не требует выбрать правильный ответ.

Разговор занял меньше часа. К концу Илса устала сидеть и дважды подходила к окну. Корин спросил, можно ли уже ехать. Тавен снова стал укладывать карты. Они не плакали вместе и не обнимали нас по очереди. Каждый искал способ закончить утро, которое стало слишком длинным.

Когда сундуки вынесли, Кейран задержал меня у двери.

— Я не давал Рейсу указания пугать Тавена войной.

— Но разрешил Кассару назначить уроки до нашего согласия.

— Я считал, что подготовка не причинит вреда.

— Теперь знаешь обратное.

— Я поговорю с Рейсом.

— Сначала подпиши прекращение занятий. Разговор без записи он потом перескажет как сочтет нужным.

Кейран позвал Эрена, попросил бумагу и написал распоряжение прямо на столе в детской гостиной. Я прочитала его. В тексте прекращались дополнительные занятия до окончания защитного рассмотрения, запрещались беседы о наследовании без независимого специалиста и требовалось передать все учебные материалы в семейный отдел Палаты.

— Добавь, что запрет касается всех троих, — сказала я. — Иначе Илсе и Корину назначат другого наставника под видом общей подготовки.

Он дописал строку и передал лист капитану.

— Заверенную копию доставьте Мирене сегодня.

Эрен убрал распоряжение в папку.

— Сделаю.

Мы разошлись у главной лестницы. Кейран остался во дворце, а я с детьми села в закрытую карету. Илса заняла место у окна, Тавен положил на колени футляр с картами, Корин попросил кучера ехать медленнее на поворотах, чтобы сундуки не били в заднюю стенку.

Дом на улице Мастеров достался мне от родителей. Я приезжала туда раз в месяц, проверяла крышу, счета и работу смотрителя, но после свадьбы не жила в нем дольше двух ночей. За последнюю неделю я распорядилась протопить комнаты, проверить водяной насос во дворе и убрать из детских старую мебель. Остальное мы должны были решить вместе.

У ворот нас встретили смотрительница госпожа Велла и ее племянник, который помогал по хозяйству. Я представила их детям заново, хотя Тавен и Илса помнили Веллу по летним обедам.

— Сначала покажу комнаты, — сказала я. — Потом выберете. Никакого порядка по старшинству.

— А если двое захотят одну? — спросила Илса.

— Обсудим, что именно понравилось, и найдем решение. В крайнем случае бросим жребий.

— Честный?

— Ты можешь сама свернуть бумажки.

На втором этаже было четыре спальни: две выходили окнами на улицу, две — во двор. Тавен выбрал тихую угловую комнату, где помещался широкий стол для карт. Илса предпочла комнату над конюшненным двором соседей, потому что оттуда было видно лошадей. Корин долго проверял двери и остановился на самой маленькой спальне: в ней сохранился встроенный шкаф со старым замком.

— Он заедает, — предупредила Велла.

— Поэтому и хочу.

— Дверь шкафа нельзя закрывать изнутри, — сказала я. — Остальное можешь разбирать с мастером.

— Можно с господином Кентом?

— Сначала спрошу, есть ли у него время.

Пока носильщики поднимали сундуки, Илса нашла во дворе небольшой навес и потребовала место для щеток. Тавен измерил шагами стену под карту. Корин попросил отвертку, которой в доме не оказалось. Велла обещала купить у соседнего мастера.

К обеду комнаты еще не стали привычными. В них просто появились вещи, выбранные самими детьми. Этого было достаточно для первого дня.

Я оставила их с Веллой распаковываться и спустилась в бывший кабинет отца. На столе лежали чистая бумага, реестр городских адресов и копия вчерашнего требования. Я составила три обращения: в семейный отдел — о независимых беседах без придворных наставников; в суд — о временном месте проживания и согласованном доступе Кейрана; в Палату церемоний — о проверке моей лицензии и возвращении к работе под собственным именем.

Последнее письмо далось труднее двух первых. Восемь лет я оставалась в списке лицензированных распорядителей, но ни разу не потребовала назначить меня ответственной. Теперь мне предстояло войти в Палату как специалисту, которая сама согласилась исчезнуть из подписей.

Я не стала искать удобного объяснения. Написала даты, перечислила проведенные без моего имени церемонии и попросила практическую проверку на общих основаниях.

Когда я поставила подпись, из коридора донесся спор Илсы и Корина о полке. Я вышла прежде, чем они позвали. На середине лестницы остановилась и подождала. Через минуту Илса предложила перенести свои книги в другую комнату, если Корин отдаст ей нижний ящик для щеток. Он потребовал измерить ящик. Они пошли искать линейку.

Не каждый вопрос требовал моего готового решения.

Я вернулась к столу и запечатала заявление о восстановлении лицензии.

ГЛАВА 3. Порядок отказа

На учебном макете было три выхода. Я закрыла два.

Молодой распорядитель, которому поручили изображать руководителя присяги, нахмурился.

— По условию все двери открыты.

— На плане — да. Подойдите к правой.

Он пересек размеченный мелом зал и потянул деревянную створку. Та открылась на ладонь и уперлась в край помоста.

— Ее можно снять с петель, — предложил он.

— Во время эвакуации с двумя сотнями гостей?

— Нет.

— Значит, выхода нет. Левый проход занят местами для трех старших свидетелей. Скамьи закреплены или их придется двигать руками?

Распорядитель сверился с заданием.

— Закреплены.

— Тогда остается центральная дверь. Ее ширина?

Он назвал число.

— При заданном составе зала людям потребуется одиннадцать минут, чтобы выйти без давки. Условие требует шесть. Церемонию нужно перенести или перестроить зал.

— А если присяга уже началась?

— Остановить ее, объявить техническую задержку и вывести сначала ближайшие к правому проходу ряды. Помост разобрать после освобождения помещения.

В стороне от макета Эдра Нор сделала отметку в проверочном листе. За восемь лет она почти не изменилась: те же седые волосы, собранные низко на затылке, темное платье без придворных знаков и привычка давать человеку достаточно времени, чтобы он сам обнаружил ошибку.

Вчера я отправила заявление в Палату. Ответ пришел до ужина. Эдра назначила проверку на восемь утра и отдельно предупредила, что прежняя репутация не заменит действующих навыков. Я не ждала иного.

— Продолжайте, — сказала она.

Молодой распорядитель вернул дверь в исходное положение и открыл следующую карточку.

— Присяга временного судьи. Присутствуют назначающее лицо, кандидат, два свидетеля от города, представитель Палаты и сорок приглашенных. Кандидат произносит обязательство, подписывает книгу, затем получает должностную печать.

На макете он расставил пять фигурок перед столом. Я прочитала имена и полномочия.

— Второй городской свидетель не зарегистрирован на текущий срок.

— Его назначение продлили вчера.

— Где запись?

— В городской книге.

— Копия в Палату поступила?

Он порылся в материалах и нашел лист без входящего номера.

— Это копия.

— Это бумага с подписью, которую никто здесь не зарегистрировал. До сверки свидетель считается лицом без подтвержденных полномочий. Присягу можно провести в назначенный день, если городской писец доставит запись. Сейчас начинать нельзя.

— Допустим, запись доставлена, — вмешалась Эдра. — Кандидат произнес первые две строки, затем сказал, что не согласен с третьим обязательством. Ваше действие?

— Зафиксировать отказ дословно и спросить, желает ли он прекратить присягу или предложить допустимую законом редакцию.

— Назначающее лицо требует продолжить.

— Его требование вносят в протокол, но право отказа принадлежит кандидату.

— В зале находится его семья. Он смотрит на жену и молчит.

— Я освобождаю пространство перед столом и еще раз сообщаю, что присяга может быть прекращена без объяснения причины. Если он не отвечает, процедура останавливается. Молчание не записывают как согласие.

Эдра отложила лист.

— Достаточно.

Молодой распорядитель начал собирать фигурки. Я помогла убрать макет, хотя и без того помнила, куда ставят каждую деталь. В учебном зале пахло мелом, деревом и чернилами. Здесь я сдавала первый практический экзамен в двадцать два года. Тогда Эдра намеренно поставила свидетельскую скамью поперек прохода, а я три минуты доказывала, что стул можно отодвинуть. Она спросила, кто именно будет двигать его в переполненном зале. С тех пор я никогда не считала свободным проход, который существовал только на бумаге.

— Пройдемте, госпожа Ларвейн, — сказала она.

Ее кабинет находился на втором этаже. По дороге мы миновали комнату регистрации, архив и общий зал, где распорядители сверяли списки ближайших городских присяг. Некоторые знали меня и здоровались, другие видели только супругу регента. Никто не произнес вслух, что мое имя вернулось в Палату на следующий день после объявления о семейном споре.

Эдра закрыла дверь кабинета и указала на стул.

— Практическую часть вы прошли.

— А остальное?

— Остальное сложнее. Ваша лицензия не истекла, поскольку вы ежегодно подтверждали знание правил. Но восемь лет вы не значились ответственным распорядителем ни одной государственной церемонии.

— Я готовила их.

— Знаю. Кто подписывал?

— Канцлер.

— Почему?

— Чтобы мою работу не называли влиянием жены наследника.

— Это ответ Кассара. Я спросила о вашем решении.

Я посмотрела на приготовленный ею лист. В верхней строке стояло: «Обстоятельства длительного отсутствия самостоятельной практики».

— Я согласилась. Сначала для одной присяги, потом для всех крупных процедур. Мне казалось, если план соблюден, имя под ним не меняет результата.

— Меняет ответственность.

— Теперь понимаю.

— Нет, Мирена. Теперь вы столкнулись с последствием. Понимание будет видно по тому, что вы сделаете дальше.

Она редко обращалась ко мне по имени на работе. Это не смягчило замечание.

— Какой ответ вы считаете достаточным?

— Собственный. Я не собираюсь диктовать признание, под которым вы снова поставите подпись ради доступа к работе.

Я взяла перо. В бланке были отдельные строки для причины и перечня процедур. Я перечислила королевские приемы, две присяги городских советов, ежегодное открытие Собрани

и подготовку нынешней коронации. У каждой поставила фактическую роль: план проходов, проверка свидетелей, порядок заявлений, работа с мастерами, время доступа публики. Напротив официальной ответственности написала имя Кассара.

В конце добавила: «Я добровольно согласилась на работу без подписи, поскольку ставила немедленный результат выше независимости Палаты и собственной ответственности. Считаю это профессиональной ошибкой. Прошу назначить временный допуск с контролем главы Палаты и не предоставлять мне единоличных полномочий по делу, где затронуты мои дети».

Эдра прочитала текст дважды.

— Вы могли написать, что вас вынудили.

— Возражать мне было неудобно. Невозможно — нет.

— А теперь ваша семья расплачивается за удобство всех сторон.

— Да.

Она поставила под заявлением входящий номер и позвонила в маленький ручной колокол. Пришел писец, забрал лист для копирования и вышел.

— Временный допуск я дам, — сказала Эдра. — Но вы не станете руководить защитным рассмотрением собственных детей и не получите право одной подписью остановить коронацию. Любое ваше возражение проверит второй распорядитель.

— Согласна.

— Не торопитесь. Кассар использует конфликт интересов при первом удобном случае. Если вы нарушите границу между матерью и распорядителем, он будет прав по существу, даже если действует ради иной цели.

— Поэтому я и прошу второго специалиста.

— Хорошо. Теперь объясните, чего хотите добиться.

— Приостановить назначение первого наследника и двух государственных путей. Провести независимые беседы. Созвать Собрание для изменения закона.

— А если Собрание откажет?

— Тогда акт останется заблокирован до окончания рассмотрения.

— Двадцать один день закончится за шесть дней до первоначальной коронации. Регент сможет подписать династическое решение после развода.

— Я оспорю его в семейном суде.

— Суд не определяет порядок престолонаследия. Только обычную опеку.

— Значит, нужно остановить коронацию.

— Это вы умеете. Что будет на следующий день?

Я знала, к чему она ведет, но ответ мне не нравился.

— Кейран останется регентом до решения Собрания.

— Его регентские полномочия связаны с подготовкой вступления на престол. После официального срыва коронации их оспорят. Норвен не подпишет длительный договор с человеком, чья власть не подтверждена. Прибрежье начнет платить повышенную пошлину. Северные гарнизоны сократят запасы. Вы защитите детей от одного акта и создадите давление, из-за которого через месяц им предложат тот же акт как единственное спасение.

— Вы считаете, я должна подписать?

— Если бы считала, не дала бы вам допуск. Я требую, чтобы распорядитель видел дальше закрытой двери. Остановить незаконную присягу необходимо. Оставить после нее пустое место во власти — безответственно.

Эдра встала и подошла к книжному шкафу. Из нижнего отделения она достала свод законов с зелеными закладками.

— Читайте раздел о прекращении династической присяги.

Я открыла отмеченную страницу. Положение принимали после болезни бездетного короля почти сорок лет назад. Если законный наследник публично отказывался от коронации,

Собрание получало право избрать временного протектора сроком на один год. Решение требовало двух третей голосов — двадцати четырех из тридцати шести. Протектор с уполномоченными трех земель мог заключать договоры не дольше года.

Норма была известна. Я сама включала ее в справочные материалы коронации как маловероятный порядок на случай отказа Кейрана. До вчерашнего дня она казалась техническим приложением.

— Протектор не решает вопрос наследования, — сказала я.

— Не решает. Он дает Собранию время изменить закон без остановки снабжения и спора о полномочиях.

— Для начала Кейран должен отказаться.

— Лично и публично. Никакой документ за него это не сделает.

— Он не откажется.

— Тогда ваша схема не сработает. Но другой законной замены коронации до истечения договора сейчас нет.

Я просмотрела следующие пункты. Кандидата в протекторы могли выдвинуть не менее шести делегатов. Голосование проводилось открыто в присутствии представителей всех земель. Военными силами протектор распоряжался только в пределах бюджета, утвержденного Собранием. Это предотвращало появление второго наследственного двора, но делало кандидатуру зависимой от согласия людей, которые редко соглашались даже по размеру дорожной пошлины.

— Кто способен получить двадцать четыре голоса?

— Это политический вопрос, а Палата не подбирает правителей.

— Я спрашиваю вас как человека, который двадцать лет видел состав Собрания.

— Тогда отвечу: сейчас никто. Кейран мог бы собрать голоса, но отказ от короны с последующим избранием его протектором сочтут обходом закона. Прибрежье потребует своего кандидата. Север — военные гарантии. Долины — защиту от чрезвычайного налога. Вам придется предложить им не имя, а порядок, в котором никто не получит все.

— И договор на один год.

— Если Норвен согласится.

Я закрыла свод.

— Значит, у меня четыре задачи: независимые ответы детей, голоса Собрания, кандидат в протекторы и согласие Норвена.

— Пятая важнее. Кейран должен сам решить, что не станет королем ценой назначенной жизни троих детей. Если вы вынудите его отказаться угрозой, следующая угроза заставит его передумать.

— Я не могу принять это решение за него.

— Наконец-то точная формулировка.

Мне не понравилось облегчение, с которым она ее произнесла.

— Вы могли просто сказать, что я привыкла решать за всех.

— Вы бы начали доказывать, что иначе работа остановится. Я предпочла дать вам работу, которую невозможно выполнить одной.

В дверь постучали. Писец принес копию моего заявления и пакет из семейного отдела. Эдра проверила печати и передала пакет мне. Внутри находилось уведомление: отдельные беседы с Тавеном, Илсой и Корином назначены на следующий день. Придворным наставникам отказали в присутствии. От каждого родителя требовалось письменно подтвердить, что ребенок может отвечать без них.

Под уведомлением лежало возражение Кассара. Он утверждал, что вопросы о государственных путях относятся к компетенции канцелярии и представитель двора обязан присутствовать.

— Кто рассматривает это возражение? — спросила я.

— Семейный отдел и назначенный судом специалист. Не вы и не я.

— Кассар пришлет Рейса.

— Его не допустят без решения суда. Но у дверей будет достаточно людей, желающих услышать детские ответы раньше вас.

Я перечитала время и место.

— Мне разрешено ждать в Палате?

— В общем коридоре, наравне с Кейраном. После бесед вы оба получите заверенные протоколы.

— Полные?

— За исключением сведений, которые специалист сочтет личными и не относящимися к делу.

Это было правильно. И непривычно. Я не могла войти, уточнить формулировку или помочь Тавену, если он решит, что обязан дать взрослым удобный ответ.

Эдра вернулась к столу и заполнила бланк временного допуска.

— Завтра после бесед вы не работаете с материалами своих детей как распорядитель. Послезавтра явитесь на открытую репетицию. Проверите доступ на площадь, порядок свидетелей и возможность прекратить присягу.

— Кто отвечает за безопасность?

— Лиас Кент — за помосты и ограждения. Капитан Эрен — за дворцовый пост. Городская стража — за внешние улицы. Вы сводите планы и фиксируете несоответствия.

— Кто второй распорядитель?

— Я.

— Вы лично?

— Кассар уже прислал три письма о вашей заинтересованности. Мне не хочется читать четвертое после того, как младший сотрудник допустит ошибку под давлением канцлера.

Она подписала допуск и протянула его мне.

На бланке стояло мое имя: Мирена Ларвейн, лицензированный распорядитель присяги. Ниже перечислялись ограничения. Впервые за восемь лет рядом не было имени Кассара как официально ответственного лица.

— Благодарю, — сказала я.

— Не благодарите. Выполняйте условия.

— Буду.

— И еще одно. Палата не станет вашим политическим штабом. Никаких переговоров с делегатами в наших помещениях, никаких копий свидетельств для газет, никаких распоряжений от имени профессии там, где вы действуете как мать.

— Понимаю.

— Надеюсь, к концу недели это будет подтверждено наблюдением, а не вашим уверением.

Я убрала допуск и уведомление о беседах в разные отделения папки. У выхода из кабинета остановилась.

— Эдра, если я соберу голоса и договор, вы допустите процедуру отказа?

— Если Кейран откажется свободно, свидетели будут полномочны, двери открыты, а Собрание сможет немедленно принять власть, Палата обеспечит порядок. Результат не обещаю.

— Мне нужен порядок.

— Тогда начните с того, чтобы не писать за мужа его отказ.

В общем зале я зарегистрировала временный допуск, получила копию схемы площади и назначение на репетицию. После этого отправила два письма: одно Кейрану с бланком согла-

сия на независимые беседы, второе Налии Рем, делегату Прибрежья, с просьбой о встрече по срокам Норвенского договора.

Ответа от Налии пока не было. Согласие Кейрана вернулось через час, подписанное без замечаний.

На следующий день мне предстояло ждать за закрытой дверью, пока трое девятилетних детей впервые сообщат государству, чего они хотят. А послезавтра — проверить открытую репетицию коронации, которую я теперь старалась сделать ненужной.

ГЛАВА 4. Чужие планы для наших детей

Кассар прислал детские ответы раньше, чем начались беседы.

Три одинаковых бланка лежали у секретаря семейного отдела. В каждом ребенку предлагалось подтвердить, что он понимает пользу назначенного пути, принимает его добровольно и доверяет решению регента. Различались только имена и названия службы.

— Кто зарегистрировал эти бумаги? — спросила я.

Секретарь повернула журнал ко мне.

— Помощник канцлера в семь сорок. Он просил передать их специалисту как справочный образец.

— Беседы назначены на девять.

— Поэтому образцы останутся в деле и не попадут в комнату до окончания встреч.

Она отметила на каждом бланке время поступления. Я попросила заверенную копию, получила ее и села в конце коридора рядом с высоким окном. До прихода детей оставалось двадцать минут.

Кейран появился первым. Он прочитал бланки стоя у секретарского стола.

— Я не утверждал эти формулировки.

— Вчера ты не утверждал слова Рейса. Два дня назад не назначал точные учебные программы. Все это делают люди, которым ты дал направление и право действовать от твоего имени.

— Я уже прекратил занятия.

— А Кассар продолжает готовить согласие.

Кейран потребовал журнал, проверил имя помощника и попросил секретаря вызвать его после бесед. Она ответила, что семейный отдел не подчиняется регенту и вызовет любого участника, если специалист сочтет это необходимым.

— Я не отдавал приказ, — сказал он.

— Вы попросили, — уточнила секретарь. — Просьба внесена.

Он принял поправку без спора и сел напротив меня.

Через несколько минут в коридор вошел господин Рейс. В руках он держал распоряжение канцелярии и папку Тавена.

— Наставник имеет право сопровождать ученика на проверке усвоения программы, — заявил он секретарю.

— Сегодня проверяют желание ребенка, а не знания, — ответила она. — Ваше присутствие отклонено.

— Первый наследник не может давать государственные ответы без человека, отвечающего за его подготовку.

— Статус первого наследника приостановлен.

Рейс обратился к Кейрану:

— Ваше высочество, я обязан предупредить: беседа без представителя двора создаст запись, которую противники короны используют как давление на ребенка.

— Вы проводили с моим сыном занятия о старой войне и велели не рассказывать родителям?

— Я объяснял требования службы. Осторожность необходима, пока акт не объявлен публично.

— Вы сказали, что его брат и сестра могут быть отданы разным сторонам, если он не примет статус.

Рейс сжал папку обеими руками.

— Я описал исторические последствия неопределенного наследования.

— Девятилетнему ребенку.

— Будущему правителю.

— Ребенку, — повторил Кейран. — Вы не войдете на беседу. Папку оставьте секретарю.

— Но распоряжение канцлера...

— Не отменяет мое вчерашнее распоряжение. Если между ними есть противоречие, его рассмотрят письменно.

Рейс передал папку и отошел к лестнице, однако уходить не собирался. Я попросила секретаря зафиксировать его присутствие в коридоре и сообщить специалисту. После этого приехали дети с госпожой Веллой и назначенной городской сопровождающей.

Тавен сразу заметил наставника. Его шаг стал короче.

— Он будет внутри? — спросил сын.

— Нет, — ответил Кейран. — Ни он, ни мы.

— А кто будет?

Секретарь представила Лину Арден, специалиста семейного отдела, и независимого писца. Лина была женщиной около сорока лет с обычным городским платьем и без знаков дворца. Она объяснила, что будет говорить с каждым отдельно, можно отказаться отвечать на любой вопрос, попросить перерыв или потребовать убрать запись, не относящуюся к государственным назначениям.

— Если я скажу, что не знаю, так и напишут? — уточнил Тавен.

— Так и напишут.

— А потом можно узнать, изменилось ли мое мнение?

— Можно назначить еще одну беседу. Сегодняшний ответ не обязывает тебя хотеть одного и того же всю жизнь.

Он посмотрел на отца.

— Господин Рейс говорил иначе.

— Сегодня слушай госпожу Арден, — сказал Кейран. — Я прочитаю только то, что ты разрешишь включить в протокол.

Тавен вошел первым. Дверь закрылась.

Ждать оказалось труднее, чем вести спор. Я могла проверить окна, расстояние до лестницы, время следующей встречи. Не могла узнать, молчит ли сын из страха или подбирает слова. Коридор был достаточно широк, у двери дежурила секретарь, а Рейса попросили спуститься на первый этаж. Практически все было устроено правильно. Это не давало мне права войти.

Кейран сидел на другой скамье. Между нами играли Илса и Корин: они пытались определить, какой из двух дверных замков старше. Илса утверждала, что темный металл означает возраст. Корин объяснял, что один замок просто чаще смазывали.

— Можно посмотреть язычок? — спросил он у секретаря.

— Только снаружи и без инструментов.

Он лег на пол, чтобы увидеть нижнюю часть планки. Илса заявила, что в дипломатической школе ей наверняка запретят лежать в коридоре.

— В большинстве школ это запрещено, — сказала я.

— Тогда я не пойду в большинство.

Кейран открыл было рот, но закрыл. Я не знала, собирался ли он возразить или признать, что сейчас не время обсуждать манеры.

Тавен вышел через тридцать пять минут. Он держал лист с отметкой личной записи, которую не передадут родителям.

— Все в порядке? — спросила я.

— Я устал.

— Поедешь домой с Веллой или подождешь остальных?

— Подожду. Но можно сидеть у окна?

— Конечно.

Он выбрал место подальше от нас. Лина пригласила Илсу.

— Писец будет записывать все мои слова? — спросила дочь.

— Только относящиеся к вопросам, и ты сможешь прочитать запись.

— Я медленно читаю длинные слова.

— Тогда я прочту вслух, а ты остановишь меня, если что-то неверно.

— А исправлять можно прямо там?

— Нужно.

Илса вошла удовлетворенная этим ответом.

Кейран подошел к окну, но Тавен попросил:

— Можно я пока один?

Отец остановился.

— Можно.

Он вернулся на скамью и не попытался выяснить, о чем они говорили внутри. Я заметила это и запретила себе придавать одному правильному действию больший вес, чем оно имело.

Илса провела в комнате почти час. Один раз из-за двери донесся ее громкий голос, но слов мы не разобрали. Когда она вышла, щеки у нее покраснели от раздражения.

— Там было написано «я согласна рассмотреть дипломатическую подготовку», — сообщила она всем сразу. — Я сказала, что не согласна. Госпожа Арден исправила на «Илса знает о назначении и не согласна его принять».

— Тебя просили рассмотреть? — спросил Кейран.

— Сначала спросили, что я знаю про Норвен. Потом что мне нравится. Потом сказали, что знать и соглашаться — разное. Писец написал не то слово, и я заметила.

— Хорошо, что заметила, — сказал он.

— А ты заметил, когда подписывал?

Кейран не стал защищаться.

— В акте не было твоего согласия. Я решил, что могу назначить обучение без него.

— Теперь можешь решить обратно.

— Могу отменить свой выбор. Пока не сделал.

— Почему?

— Потому что еще считаю, что стране нужен ясный порядок после моей коронации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.